

В ПЕРВЫЕ И НАВСЕГДА

Первое впечатление о человеке — что это? Ведь бывает, едва познакомишься с человеком, а уж сердцем к нему тянешься, будто давно знаком. Я обычно доверяю этому своему первому ощущению.

И все же, как ни ценю я первые впечатления, начну с конца, с конца нашей совместной работы...

У Бориса Васильева есть удивительный, сложенный, как песня, пронзительно-добрый роман «Не стреляйте в белых лебедей». Начинаешь читать его, и сердце сжимается от необъяснимой тревоги за героя. А ведь Егора Полушкина с первого взгляда героем не назовешь: недотепа, чудака. Хотя и мастер на все руки, но... бедоносец! Все так — смешной, наивный... Только за его чудачествами да неудачами люди не заметили главного — что Егор-то лучше многих, и сочувствие, и добрее: самого ничтожного мураша жаль ему и жаль всякой растущей на земле травинки. Но всерьез его принимать вроде бы много чести! Однако Васильев силою своего писательского дара поднимает Полушкина до высот истинно героических, делает его борцом, защитником своих идей, способным к самопожертвованию. И происходит это естественным образом, без натяжек, без ухищрений. Ты закрываешь роман глубоко потрясенным. Чувствуешь, что сам стал чище, добрее.

С благословения Бориса Львовича и при его участии (сценарий был написан им совместно с К. Рапопортом) решено было поставить наш фильм. Я гордился тем, что мне доверили режиссуру, и всецело отдался работе...

И вот накануне сдачи уже готового фильма на студию приходит письмо, в котором автор романа указывает на творческие просчеты съемочной группы, на вкравшиеся неточности, порой небрежность, более того, на несоответствие основных героев фильма их литературным прообразам. В общем, Б. Васильев под фильмом подписываться не захотел, требуя исключить его фамилию из титров.

Это был удар! И дело здесь не только в том, что съемочная группа потерпела поражение, еще не выйдя на поле боя. Это был удар в самое сердце — для меня, молодого художника. Я был ошеломлен, я был обижен, я был зол... Когда я вспоминал надпись на подаренной книге: «Родиону — с надеждой, верой и любовью!», у меня начинали от стыда гореть уши. Значит, фильм не удался и роман оказался мне не по плечу?

Что же делать? Для начала — взять себя в руки и разобраться. Да, многое в фильме отлично от романа, но ведь иначе и быть не могло: как бы ты ни был верен первооснове, ткань фильма всегда иная. И если ты не стремишься сухо иллюстрировать книгу — страницу за страницей, то на экране должно родиться новое, живое произведение. Разумеется, Любшин не Полушкин, но ведь в результате герой Любшина вызывает в зрительских сердцах те же чувства, именно те, которые, как мне кажется, и побудили Б. Васильева к написанию романа. Подтверждением этому служат многочисленные письма зрителей и мне, как постановщику, и Станиславу Любшину, как исполнителю главной роли.

Рассуждая подобным образом, я понемногу стал успокаиваться, многие замечания писателя принял к сведению, кое-что исправил и уточнил. Но Васильев к нам не вернулся.

Во мне стали бороться два разных чувства. Что за гордыня, думал я, роман переиздается, спектакли идут по всей стране... Теперь же существует и фильм — что тут плохого?! Но понимал я и другое: он большой писатель, каждая строка выверена сердцем, опытом, вкусом. Фильм слишком отступил в сторону, в презабельные, чуждые автору незнакомые, а потому может раздражать, не устраивать — чему тут удивляться?

Прошло время. И постави-

ло все на свои места. Много улеглось в сознании, и на поверхность вновь выплыло первое впечатление...

Пожалуй, ни один писатель так сразу не завоевывал мое сердце, как Б. Васильев. Помню, читая «В списках не значился», я обливался слезами. Я готов был ринуться в смертельный бой с врагом, я чувствовал необходимость отомстить за ставших мне родными Колю и Мирру, за их любовь, за всех тех, кто отдал свои юные жизни в годы Великой Отечественной... Никогда не забыть мне слов, сказанных автором в эпилоге романа: «...не так уж важно, где лежат наши сыновья. Важно только то, за что они погибли».

Боль за человека, сострадание к нему, патриотизм — в самом возвышенном и прекрасном значении этого слова — все это свойственно прозе Бориса Васильева и не может оставить равнодушными читательские сердца. Да еще при этом — и это существенно! — особая магия слова, отлаженная, четкая конструкция произведений.

Как только появилась повесть «А зори здесь тихие...», Борис Васильев стал знаменит. И это естественно, ибо он пришел в литературу не один... Разве можно забыть милых девчонок-зенитчиц с тихого развезда № 171 или трогательно простодушного старшину Васкова! И как все-таки здорово, что кинематограф дал этим героям вторую жизнь. В фильме С. Росточкиного герои Б. Васильева обрели живую плоть, они — сама реальность...

Когда начиналась работа над фильмом «Не стреляйте в белых лебедей», меня интересовало многое: какой Васильев человек, что он любит, как проводит досуг, подбирается и к самому главному — как он пишет, мечтал проникнуть в святая святых — в лабораторию писателя. Разумеется, войти туда непросто. Ибо сколько бы ни было написано ученых статей о том, как создавалось то или иное произведение, самый процесс создания всегда покрыт тайной... Но некоторое знание того, с кем я работаю, появилось.

Васильев скромн, даже застенчив, при этом внутренне пылок и, наверное, поэтому на первый взгляд бывает неожиданным.

Сколько страсти и понимания слышалось в его разборе «Чапаева». Признаться, благодаря ему на многое в этом прославленном фильме у меня открылись глаза.

А сколько досады и горечи звучало, когда речь заходила о названии «Не стреляйте в белых лебедей». «Как я мог упустить это! — говорил Васильев. — Ведь без предлога «в» было бы грамотнее!».

Взгляд у Васильева добрый, располагающий к сердечности...

Конечно, меня интересовал герой романа. Естественно предположить, что такой человек существует в реальности, к нему можно поехать в гости, поговорить «по душам». Знание прототипа помогло бы и в подыскании актера, и вообще в художественном решении фильма. Но Васильев не списывал с натуры. Он взрастил Полушкина в своем сердце, выщепил, отдал ему свое дыхание, свою плоть и кровь. Другими словами, оригинал проживает... в самом романе. А значит, все мое дополнительное знание можно было почерпнуть лишь оттуда да из моего личного опыта.

И тут я постигаю нечто важное. Борис Васильев не мог подписаться под нашей версией романа, и это не каприз писателя. Природа его поступка иная, она глубже. Наверное, всегда дорогое и близкое требует защиты. И Б. Васильев защитил Полушкина — неповторимое, родное дитя воображения — тем, что отказался от фильма. И это его право. Я же, защищая реалии фильма, был уязвлен. И это тоже можно понять...

Но вот — чудо! Время моей жизни, раздумий исподволь, незаметно вернуло мне прежнее чувство — первое, самое сильное, истинное впечатление от Бориса Васильева.

Родион НАХАПЕТОВ.

19 МАИ 1984

2207

— СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

В ПЕРВЫЕ И НАВСЕГДА

Первое впечатление о человеке — что это? Ведь бывает, едва познакомишься с человеком, а уж сердцем к нему тянешься, будто давно знаком. Я обычно доверяю этому своему первому ощущению.

И все же, как ни ценю я первые впечатления, начну с конца, с конца нашей совместной работы...

У Бориса Васильева есть удивительный, сложенный, как песня, пронзительно-добрый роман «Не стреляйте в белых лебедей». Начинаешь читать его, и сердце сжимается от необъяснимой тревоги за героя. А ведь Егора Полушкина с первого взгляда героем не назовешь: недотепа, чудак. Хотя и мастер на все руки, но... бедоносец! Все так — смешной, наивный... Только за его чудачествами да неудачами люди не приметили главного — что Егор-то лучше многих, и совестливее, и добрее: самого ничтожного мураша жаль ему и жаль всякой растущей на земле травинки. Но всерьез его принимать вроде бы много чести! Однако Васильев силою своего писательского дара поднимает Полушкина до высот истинно героических, делает его борцом, защитником своих идей, способным к самопожертвованию. И происходит это естественным образом, без натяжек, без ухищрений. Ты закрываешь роман глубоко потрясенным. Чувствуешь, что сам стал чище, добрее.

С благословения Бориса Львовича и при его участии (сценарий был написан им совместно с К. Рапопортом) решено было поставить наш фильм. Я гордился тем, что мне доверили режиссуру, и всецело отдался работе...

И вот накануне сдачи уже готового фильма на студию приходит письмо, в котором автор романа указывает на творческие просчеты съемочной группы, на вкравшиеся неточности, порой небрежность, более того, на несоответствие основных героев фильма их литературным прообразам. В общем, Б. Васильев под фильмом подписываться не захотел, требуя исключить его фамилию из титров.

Это был удар! И дело здесь не только в том, что съемочная группа потерпела поражение, еще не выйдя на поле боя. Это был удар в самое сердце — для меня, молодого художника. Я был ошеломлен, я был обижен, я был зол... Когда я вспоминал надпись на подаренной книге: «Родиону — с надеждой, верой и любовью!», у меня начинали от стыда гореть уши. Значит, фильм не удался и роман оказался мне не по плечу?

Что же делать? Для начала — взять себя в руки и разобраться. Да, многое в фильме отлично от романа, но ведь иначе и быть не могло: как бы ты ни был верен первооснове, ткань фильма всегда иная. И если ты не стремишься сухо иллюстрировать книгу — страницу за страницей, то на экране должно родиться новое, живое произведение. Разумеется, Любшин не Полушкин, но ведь в результате герой Любшина вызывает в зрительских сердцах те же чувства, именно те, которые, как мне кажется, и побудили Б. Васильева к написанию романа. Подтверждением этому служат многочисленные письма зрителей и мне, как постановщику, и Станиславу Любшину, как исполнителю главной роли.

Рассуждая подобным образом, я понемногу стал успокаиваться, многие замечания писателя принял к сведению, кое-что исправил и уточнил. Но Васильев к нам не вернулся.

Во мне стали бороться два разных чувства. Что за гордыня, думал я, роман переиздается, спектакли идут по всей стране... Теперь же существует и фильм — что тут плохого?! Но понимал я и другое: он большой писатель, каждая строка выверена сердцем, опытом, вкусом. Фильм слишком отступил в сторону, в незнакомые, чуждые автору пределы, а потому может раздражать, не устраивать — чему тут удивляться?

Прошло время. И постави-

ло все на свои места. Многое улеглось в сознании, и на поверхность вновь выплыло первое впечатление...

Пожалуй, ни один писатель так сразу не завоевывал мое сердце, как Б. Васильев. Помню, читая «В списках не значился», я обливался слезами. Я готов был ринуться в смертельный бой с врагом, я чувствовал необходимость отомстить за ставших мне родными Коллю и Мирру, за их любовь, за всех тех, кто отдал свои юные жизни в годы Великой Отечественной... Никогда не забыть мне слов, сказанных автором в эпилоге романа: «...не так уж важно, где лежат наши сыновья. Важно только то, за что они погибли».

Боль за человека, сострадание к нему, патриотизм — в самом возвышенном и прекрасном значении этого слова — все это свойственно прозе Бориса Васильева и не может оставить равнодушными читательские сердца. Да еще при этом — и это существенно! — особая магия слова, отлаженная, четкая конструкция произведений.

Как только появилась повесть «А зори здесь тихие...», Борис Васильев стал знаменит. И это естественно, ибо он пришел в литературу не один... Разве можно забыть милых девчонок-зенитчиц с тихого разъезда № 171 или трогательно простодушного старшину Васкова! И как все-таки здорово, что кинематограф дал этим героям вторую жизнь. В фильме С. Росточкиного герои Б. Васильева обрели живую плоть, они — сама реальность...

Когда начиналась работа над фильмом «Не стреляйте в белых лебедей», меня интересовало многое: какой Васильев человек, что он любит, как проводит досуг, подбирается и к самому главному — как он пишет, мечтал проникнуть в святая святых — в лабораторию писателя. Разумеется, войти туда непросто. Ибо сколько бы ни было написано ученых статей о том, как создавалось то или иное произведение, самый процесс создания всегда покрыт тайной... Но некоторое знание того, с кем я работаю, появилось.

Васильев скромен, даже застенчив, при этом внутренне пылок и, наверное, поэтому на первый взгляд бывает неожиданным.

Сколько страсти и поинимания слышалось в его разборе «Чапаева». Признаться, благодаря ему на многое в этом прославленном фильме у меня открылись глаза.

А сколько досады и горечи звучало, когда речь заходила о названии «Не стреляйте в белых лебедей». «Как я мог упустить это! — говорил Васильев. — Ведь без предлога «в» было бы грамотнее!».

Взгляд у Васильева добрый, располагающий к сердечности...

Конечно, меня интересовал герой романа. Естественно предположить, что такой человек существует в реальности, к нему можно поехать в гости, поговорить «по душам». Знание прототипа помогло бы и в подыскании актера, и вообще в художественном решении фильма. Но Васильев не списывал с натуры. Он взрастил Полушкина в своем сердце, выпестовал, отдал ему свое дыхание, свою плоть и кровь. Другими словами, оригинал проживает... в самом романе. А значит, все мое дополнительное знание можно было почерпнуть лишь оттуда да из моего личного опыта.

И тут я постигаю нечто важное. Борис Васильев не мог подписаться под нашей версией романа, и это не каприз писателя. Природа его поступка иная, она глубже. Наверное, всегда дорогое и близкое требует защиты. И Б. Васильев защитил Полушкина — неповторимое, родное дитя воображения — тем, что отказался от фильма. И это его право. Я же, защищая реалии фильма, был уязвлен. И это тоже можно понять...

Но вот — чудо! Время моей жизни, раздумий исподволь, незаметно вернуло мне прежнее чувство — первое, самое сильное, истинное впечатление от Бориса Васильева.

Родион НАХАПЕТОВ.